

НОВЫЙ Журнал

НЬЮ-ИОРК

НОВЫЙ Журнал
THE
NEW REVIEW

Основатель М. ЦЕТЛИН

Одиннадцатый год издания

Кн.
XXXI
1952

Редактор М. М. КАРПОВИЧ
Секретарь редакции РОМАН ГУЛЬ
Обложка работы М. В. ДОБУЖИНСКОГО

О Г Л А В Л Е Н И Е :

	Стр.
<i>М. Алданов</i> — Повесть о смерти	5
<i>Юрий Косач</i> — Талисман	60
<i>Вл. Варшавский</i> — Дневник художника	80
<i>А. Гречанинов</i> — Лермонтов у спиритов	100
<i>Александр Брайловский</i> — Предисловие к поэме М. Волошина..	105
СТИХИ: — <i>Максимилиан Волошин</i> — Дом Поэта (поэма)	
<i>Георгий Иванов</i>	111
<i>Дм. Кленовский</i>	112
<i>Ирина Легкая</i>	104
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:	
<i>Михаил Коряков</i> — Великий перелом	116
<i>Владимир Злобин</i> — З. Н. Гиппиус (Ее судьба)	139
<i>С. Маковский</i> — Вяч. Иванов в эмиграции	160
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>Н. Воинов</i> — Беспризорники	175
<i>Письма М. Горького к В. Ф. Ходасевичу</i>	190
<i>Ив. Ермолов</i> — Начало индустриализации Абхазии	206
ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Е. Юрьевский</i> — О последнем труде Сталина и его источ- никах	216
<i>Н. Градобоев</i> — Некоторые итоги XIX-го съезда	238
<i>Г. Гурджиян</i> — О советской торговле	253
<i>М. Карпович</i> — Комментарии	264
<i>Ю. Марголин</i> — Куда идет Израиль?	280
<i>Е. Кулишер</i> — Н. П. Карабчевский	296
<i>С. А. Васильев</i> — Ответ Ю. Маркову	306
<i>Г. Струве</i> — Памяти В. Н. Челищева	310
<i>Ю. Иваск</i> — Памяти К. К. Гершельмана	313
<i>К. К. Гершельман</i> — Четыре стихотворения	313
БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>Ю. Денике</i> — А. Тыркова «На путях к свободе». <i>М. Вишняк</i> <i>Ю. Марголин</i> — «Путешествие в страну зе-ка». <i>Борис Фи-</i> <i>липпов</i> — Две антологии. <i>Н. Б.</i> — А. Ремизов «В розовом блеске». <i>Н. Б.</i> — Д. Кленовский «Навстречу небу». <i>Борис</i> <i>Филиппов</i> — Неизданный Гумилев. <i>Вяч. Днепровский</i> — За- писы Беларускага інстытуту навукі і мастацтва. <i>Н. С. Ти-</i> <i>машев</i> — Н. Семенов «Советский суд и карательная поли- тика». <i>Б. Ольшанский</i> — К. Криптон «Осада Ленинграда» и Д. Константинов «Я сражался в красной армии». <i>Н. Б.</i> — <i>П. Флери-Одарченко</i> «Azelle». <i>Ю. Иваск</i> — Х. Кроткова «Белым по черному».	316

НАЧАЛО ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ АБХАЗИИ

В горах, в суровых ущельях Абхазии, где только рокот горных потоков нарушает тишину, где чаще можно встретить медведя, чем человека, — всё было таким, каким было сотни лет назад. Везде, в горах и предгорьях, по долинам и по холмам, среди сплошной зелени были разбросаны отдельные домики абхазцев с чистыми дворами, где в дни семейных торжеств со всей округи собирались родственники и друзья кто пешком, а кто верхом на своих горных лошадках.

Первые приветствия, церемонии с приглашением к столу, нескончаемые тосты, тягучие заунывные песни — всё, даже сыр и вино «Изабелла» — всё особенное, своеобразное, древнее. Никто не смеет нарушить вековых обычаев и горе тому, кто дерзнул бы изменить то, что вечно, как вечны горы Абхазии.

Уверенные в себе и в неприступности своих гор абхазцы, встретили людей, пришедших со стороны моря, без видимого любопытства или страха и по своей традиции гостеприимства предложили им ночлег и стол. Пришельцы всячески старались отблагодарить хозяев, но всегда так, чтобы не нарушить обычаев народа.

Абхазцы, члены партии и комсомола, приехавшие из города, зорко следили за всем, давая наставления, как надо себя вести и чем можно вызвать сочувствие у населения. Своим же абхазцам комсомольцы разъясняли, что приехавшие, это — ученые, которые интересуются жизнью и природой Абхазии и просили всех, кто хорошо знает местность, показать им всё, что Бог дал Абхазии. Говоря на родном языке, хорошо зная свой народ, играя на национальных чувствах, платя большие деньги и давая подарки, комсомольцам удалось подобрать первоклассных проводников, знавших все горные уголки.

Два года геологи, лесники, дорожники «делали обыск» горам. Много положили они сил и энергии, часто увлекаясь, забывая всё, руководимые только профессиональным чувством, в очень тяжелых условиях, а порой и с опасностью для жизни

добывали они необходимые сведения. Долгое пребывание изыскательной партии: отъезды одних, приезды других. Тысячи нитей связывали изыскателей с Тифлисом, Харьковом, Москвой. Всё это было чуждо и не нужно горцу. И когда какой-нибудь житель гор, проезжая на коне, видел человека, внимательно разглядывавшего кусок камня или глины, на лице его появлялась незлобная, но ироническая улыбка. Отношение к изыскателям со стороны населения было, как к людям, которые занимаются не тем, чем Бог велел.

Но вот наступает день — в столичной абхазской газете большая статья и публикация распоряжения местных властей о том, что в селе В-ни состоится: грандиозные скачки, джигитовка, танцы, борьба. В состязаниях примут участие, кроме местных жителей, представители других районов. Лучшим участникам будут выданы призы: первый приз — конь 4-х лет и седло, пожертвованные спортивным обществом Закавказья. К началу открытия скачек обещал прибыть сам глава правительства Абхазии.

У всех жителей радостно-приподнятое настроение. Что-то необыкновенное творится в округе: от древних стариков до детей — все заняты приготовлением к скачкам. Готовятся лошади, наездники, приводится в порядок плац для скачек и игр; разговоры — только о скачках.

Настал день торжества. Сотни пеших и конных, старых и малых спешат на праздник. Собралось море людей. Все ждут начала празднества. На трибуну поднялись представители власти. Первое слово главы Абхазского правительства. Толпа притаилась, стихла. Глава правительства с подчеркнутой темпераментностью начал речь. Он говорил о прекрасной Абхазии, о ее гордом народе и, делая жест в сторону гор, оратор образно описал красоту этих гор и добавил, что они не только красивы, но и таят в себе неисчислимые богатства и что, благодаря заботам правительства, люди науки при поддержке всего абхазского народа, после долгих и упорных трудов нашли, наконец, в горах: уголь, сланец, гипс и лечебные воды. Все эти богатства ждут нас.

— Я уверен, что теперь Абхазия смело и быстро начнет превращаться в страну индустриальную и порукой тому великий Сталин! — закончил он, объявив о решении правительства начать строительство еще в этом году, ибо все данные для этого на лицо, а самое важное, это — непреклонная воля абхазского народа!

После речи представителя правительства вокруг трибуны раздалась дружные аплодисменты. Следующим выступил председатель района с заверением партии и правительства в готовности населения отдать все свои силы за великое дело преобразования родной страны.

— В честь великого начала индустриализации родной Абхазии, разрешите сегодняшний праздник с традиционными скачками считать открытым!

Буря аплодисментов и неопишуемый восторг были ответом на эту речь.

После праздника долго еще у местных жителей все детали скачек и борьбы были главной темой разговоров и переживаний.

На строительство прибыли первые специалисты и квалифицированные рабочие. Через небольшой промежуток времени начали прибывать рабочие, преимущественно мобилизованные комсомольцы из городов Закавказья. Понемногу налаживалась доставка материала и инструментов. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации и техническое руководство — всё примеряли с чего начать. Но уже всем стало ясно, что местное население не принимает участия в новом деле. Искали почву для вовлечения молодежи в комсомол и на производство: каждый вечер устраивали кино-сеансы, доклады, по воскресеньям — игры и танцы. По горящим глазам местной молодежи было видно, что всё это их занимает и нравится, но что-то было такое, что сдерживало их; с какой-то завистью смотрели они на танцующих, но сами участия не принимали. Приходили, смотрели и так же молча расходились, но на строительство не шли. Призывы к населению «выделить транспорт» — оставались без ответа.

Из центра шли приказы: «В виду феодальности страны быть очень осторожным и не обострять отношений», и в то же время требование — разворачивать работу. Отсутствие местного транспорта, приспособленного к горной местности, заменить было нечем. Все отдавали себе отчет, что если строительство не получит нужного транспорта, работ производить нельзя. Специалисты: инженеры, техники и квалифицированные рабочие были пришельцы с севера, опыта работы в Закавказье не имели; партийные организации, укомплектованные жителями Закавказья, имея указания своих организаций о «феодальности» и, зная нравы и обычаи населения, не могли найти выхода.

В дело вмешался Тифлис. На строительство приехали матеры партийцы. Как всегда начали с собраний: закрытое партийное, закрытое комсомольское, техническое совещание и, наконец, техническое совещание с партактивом. В конце-концов остановились на возможности начать дорожные работы, не требующие транспорта и, как одну из больших и трудоемких работ, решили: в первую очередь приступить к подготовке взрыва «Орлиной скалы», для чего требовалось пройти в скале штольни в трех направлениях и целый ряд других работ. С точки зрения последовательности и экономики такая работа шла в разрез с техническим здравым смыслом, но на возражения специалистов против такого порядка работ, представитель Тифлиса ответил:

— Нас в данном случае интересует возможность работы, а не здравый смысл очередности. Ставить сейчас вопрос об очередности — значит не иметь размаха и не понимать обстановки.

Работу по подготовке взрыва решено было производить в две смены. Срок работы определили в 5 месяцев из расчета произвести взрыв 7 ноября. На следующий день в многотиражке строительства появилось сообщение об утверждении производственного плана, в котором главное место уделялось взрыву «Орлиной скалы». — «Пусть в день великого Октября разнесется слава по горам Абхазии о великих делах партии Ленина-Сталина!» — так заканчивалась многотиражка «Горец на стройке».

В те времена рабочее снабжение было поставлено из рук вон плохо. Для улучшения своего питания рабочие уходили за 10-20 километров и доставали у населения что могли — кто за деньги, а кто способом меновой торговли. В меновом смысле особенно ходким был хинин, который вначале выдавали рабочим на целую неделю, но они предпочитали бороться с малярией при помощи обмена хинина на сало, яйца и вино. Общаясь с рабочими, особенно пришлыми, местное население много узнало о «великих делах», которые уже были проведены на севере страны. Партийные и комсомольские организации такой способ добывания продуктов негласно поддерживали. Уходя в горы, комсомольцы-рабочие брали с собой газеты, заводили с молодежью знакомство, иногда слушали разговоры других меняльщиков. Владея языком, они находили пути сближения с старшим поколением, узнавали о их нуждах, об отношении к строительству, о взаимоотношениях между жителями. Сытые и с запасом продуктов комсомольцы возвращались домой.

На опыте кино, танцев, докладов и меновой торговли — всё яснее становилось, что строительство непонятно и чуждо населению и что молодежь, увлекаемая только внешними формами, не оторвется от векового уклада: еще крепки и нетронуты традиции, где слово старшего было законом. А те, чье слово считалось законом, если не совсем сознанием, то сердцем и чутьем понимали, что чуждое им дело разрушит испытанное, вековое, но взамен ничего доброго не даст. Единственное, что строительство могло бы дать народу — это материальные блага, но та ничтожная плата, которую получали даже опытные рабочие, не давала и на это надежды. Отрицательное отношение стариков было главной причиной неучастия молодежи в строительстве. Привыкшая уважать стариков, молодежь шла за стариками. Для поощрения, крестьянам, работавшим со своим транспортом, ввели дополнительную выдачу промтоваров. Это привлекло немногих наиболее бедных горцев, но это не вело к разрешению вопроса.

Для молодежи устроили экскурсии: в Тифлис, Баку, Батум. Перспектива бесплатных поездок привлекла человек 150, но после возвращения только единицы пошли на работы. А, главное, транспорта — не было.

Прибывшие с севера рабочие в своей массе были те, кто готов был ехать куда угодно, лишь бы сохранить себя. Всех их направляли вглубь трассы, на дорожные работы. Вместе с ними уходили вьючные караваны, нагруженные палатками, инструментами и продуктами. Всё чаще в горах раздавались взрывы, но всё это по сравнению со всем объемом работ было незначительно. Единственная работа, которая проходила успешно — это работа по подготовке взрыва «Орлиной скалы».

Народные легенды, которыми была овеяна эта скала, шум поднятый пропагандой вокруг взрыва ее, всё это вызывало особенный интерес. В местных газетах писали: «Скоро придет время, когда по воле человека, на том месте, где стоит скала, пройдет дорога. И то, что хранят в себе горы, станет достоянием трудящихся. Перед нами стоит огромная задача — провести дорогу. От имени трудящихся Абхазии мы заявляем: *д о р о г а б у д е т*». Но не только газеты, и на собраниях во всех окружающих селениях все говорили о будущем взрыве. Население молча слушало эти разговоры и ничему не верило, а старики открыто заявляли, что всё это глупые выдумки и смеялись над мыслью построить дорогу на месте скалы.

За месяц до праздника октябрьской революции почти все

главные работы по подготовке взрыва были закончены. Дорожники и подрывники чувствовали себя именинниками. Все на них смотрели как на героев дня, а начальство ставило их везде в пример.

Два лагеря стояли друг против друга. Одни — со страшной энергией и упорством, используя все средства, шаг за шагом шли к намеченной цели; другие — против не совсем еще разгаданной опасности выставляли веру в непоколебимость того, что досталось им от природы. Одни — готовились к штурму, другие — с высоты своего векового прошлого с усмешкой смотрели на безумцев. Никто не уступал..

В момент такой напряженной психологической битвы, как гром среди ясного неба, было появление статьи в центральной абхазской газете: «Несерьезные доводы специалистов». В статье писалось: «Несерьезный подход, отсутствие ответственности, никаких доказательств, очковтирательство — всё это привело к совершенно резонным насмешкам местного населения по адресу таких специалистов, которые могут море зажечь». После такой статьи на строительстве среди технического персонала и руководящих партийцев началась буквальная паника. Многие начали избегать главных руководителей взрыва, срочно созывали партийные собрания и технические совещания, — все с минуты на минуту ждали арестов.

Через три дня какие-то люди приехали из Тифлиса. Срочно были вызваны специалисты из Москвы. То, что творилось на стройке, в первое же воскресенье стало известно по всей округе. После нескольких дней расследования московская комиссия, главный инженер строительства и его помощник выехали в Тифлис. То недоверие к возможности взрыва скалы, которое было отчасти скрытым, теперь высказывалось всеми и везде, даже в партийных, комсомольских и рабочих кругах, а о населении и говорить нечего — там торжествовали.

Молчал и старался быть незамеченным только технический персонал.

Через пять дней вернулась московская комиссия и помощник главного инженера. Главный инженер был задержан в Тифлисе. На строительстве ходили все, как неживые. За два дня до праздника пришло категорическое решение: «Опыт по взрыву производить». По распоряжению властей об этом были оповещены жители, велись работы по устройству народного гулянья, были приглашены оркестры. Но всё это было больше похоже на подготовку к похоронам, чем к торжеству.

Наступил день праздника октябрьской революции. С самого раннего утра всё, что могло двигаться, направилось к площади, где стояла трибуна, увешенная флагами и портретами. Местные партийцы, с лицами как у приговоренных, суетились по организации встречи высоких гостей. К десяти утра должны были прибыть: второй секретарь Закрайкома партии, Абхазское правительство и старейшие от местного населения.

На этот раз вся местная партийная власть, технический персонал и старые кадры подрывников переживали вместе ту степень нервного напряжения, которая граничила с потрясением и, наоборот, настроение масс, особенно местного населения, было явно противоположно. По их лицам, особенно знатных стариков, можно было видеть нетерпение увидеть всенародный позор тех, кто рискнул насмеяться над тем, что вечно.

Ровно без пяти десять к площади подъехали высокие гости. На трибуну первым поднялся секретарь Закрайкома; за ним, по рангу, все остальные. Туда же были приглашены старики и самый древний и почетный из них девяностолетний старик Мисор.

Собрание открыл секретарь местной партийной ячейки и предоставил первое слово председателю ЦИКА Абхазии.

— Товарищи, в день великой октябрьской революции, когда вся страна празднует победу трудящихся, мы здесь, в горах нашей родной Абхазии, собрались, чтобы видеть торжество рабочих и крестьян. Наше строительство вступило в восьмой месяц своего существования. В нашей работе будет много трудностей, но мы их преодолеем. У нас могут быть неудачи, но они нас не остановят, а научат. Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при великом опыте взрыва колоссальных масштабов! Предлагаю просить старейшего из нас взять на себя эту высокую миссию. Его старая, опытная рука пусть даст начало великим делам нашей родной Советской Абхазии!

Закончив свою речь, председатель ЦИКа попросил старика Мисору принять на себя эту почетную миссию. Старик долго смотрел на видневшуюся вдали скалу, потом перевел взгляд на маленькую динамку, посмотрел на всех окружающих и у него было такое смеющееся выражение лица, как будто он хотел сказать что он уже давно вышел из детского возраста. Инженер-подрывник, волнуясь, старался объяснить, как надо вращать ручку. Старик как видно понял всю технику этой игрушки и, улыбаясь, дал согласие.

Председатель ЦИКа призвал к вниманию и просил сохранить спокойствие, а со стариком условился, что как он скажет — «три», старик должен прокрутить ручку.

— Раз, два...

Толпа замерла... Одни ждали торжества; другие — позора дерзких.

— Три!

Взрыв... Но такой необычайной силы, что он сотряс всё окружающее. Все стояли в оцепенении. Взгляды всех были устремлены на горы. На месте взрыва стояла огромная туча пыли. И когда ветер унес пыль в ущелье, то на месте, где была скала, виднелось ясное небо.

На трибуне председатель ЦИКа сделал жест, чтобы позвать руку старика, но, старик как бы в оцепенении устремил взгляд туда, в горы, куда он чуть ли не столетие смотрел по утрам и его взгляд всегда упирался в скалу орлов. Теперь он ее не видел. Он сам похоронил то, что считал вечным; может быть он думал, что лучше было бы ему умереть с тем, что было дорого ему с раннего детства, а он сам, своей старой рукой убил то, во что верил и дал жизнь тому, что было противно его сердцу и разуму; он сам убил то, что звалось свободой и открыл ворота тому, что несет его родному народу — рабство. И, как бы доняв свое бессилие перед чем-то новым, непонятным и страшным ему, старик негромко сказал:

— Дорога будет...

Председатель ЦИКа тряс его руку, за ним, все стоявшие на трибуне, подходили к старику и тоже жали руку, как бы благодаря его за то, что он собственной рукой убрал с дороги скалу орлов и самого себя. Старик ничего не говорил. Говорило его лицо, что теперь ему всё безразлично и всё кончено. Понимали это и все старики, стоявшие в толпе; понимали это и представители власти.

Следующим оратором был секретарь Закрайкома партии. На его неприятном, энергичном лице было выражение опытного игрока, который про себя говорил: «Игра сыграна!». Его речь началась с того, что он предложил в честь победы, в честь великого Сталина — ура! Раскаты ура пронеслись по толпе. Радостно кричали те, кто еще несколько минут тому назад готовил себя к расправе. Кричала молодежь, потрясенная виденным и необращавшая уже внимания на своих стариков, которые теперь потеряли свое, веками нажитое право на то, чтобы им подчинялись.

— Товарищи, — говорил секретарь, — в великий день октября поздравляю с победой на трудовом фронте. Враги народа всеми способами подрывали авторитет великого дела. Это они хотели радоваться неудачам стройки, это они саботировали и подбивали других саботировать великое начинание трудящихся Абхазии. Но, карта их бита! Трудящиеся Абхазии с братской помощью всего Советского Союза, вместе с партией великого Ленина-Сталина добьются досрочного окончания стройки!

Оратор предложил от имени собравшихся послать телеграммы: тов. Сталину, ЦК партии Закавказья и Абхазской республике.

Много еще выступало ораторов. Предпоследним выступил начальник строительства Ор-швили, предложивший от собравшихся послать телеграмму главному инженеру, одному из виновников торжества, который из-за болезни задержался в Тифлисе и не мог присутствовать на празднике. На этот раз особенно бурно аплодировали инженеро-технические работники и рабочие стройки: профессиональная радость за коллегу, за себя — всё было в этих аплодисментах.

Последний оратор объявил о начале торжеств по случаю взрыва «Орлиной скалы».

С трибуны начали сходить представители власти и гости. Старик Мисору помогли сойти вниз. Он стал как будто меньше. Лицо его было безжизненно. Медленной походкой он подошел к группе стариков, те по обычаю поклонились ему. На предложение присутствовать на торжествах, Мисор ответил благодарностью и тихой походкой с помощью двух других стариков, направился в сторону от толпы. За ним ушли все старики. Расстояние между стариками и массами всё увеличивалось. Никто из молодежи не пошел за ними — все остались на торжестве.

На другой день газеты были полны описанием взрыва и торжеств. Речь секретаря была выделена особо, и опытные люди говорили: «Сигнал дан!» И как бы в оправдание этих слов через два дня: — «За оппортунизм и неверие в силы рабочего класса» исключены из партии два человека, из комсомола — три; и дальше: — «В целях нормального и справедливого распределения отменить дополнительную выдачу промтоваров работающим на собственном транспорте и оплату производить согласно тарифному справочнику».

Через пять дней стало известно об аресте восьми человек

видных местных жителей. В тот же день: для создания квалифицированных кадров из местного населения объявлен набор в Фабзауч, с двухгодичным обучением в школах Тифлиса и Донбаса. Количество записавшихся в Фабзауч ежедневно увеличивалось; но до нормы было еще далеко. Транспорт, хотя и медленно, но прибывал... По дороге от моря прошло несколько партий заключенных. Они направлялись в горы, туда где нашли уголь и где уже с начала лета управление лагерей Зак-ГПУ начало работу.

Возвращение главного инженера из Тифлиса и представление его к награде внесло успокоение в ряды инженерно-технического персонала, увеличилось поступление материалов, немного улучшилось питание. Строительство набирало темпы...

Недели через две деловое спокойствие было нарушено слухами о том, что жители собираются устроить сбор-демонстрацию по поводу арестов. В ответ на это были произведены массовые аресты местных жителей. Стало как-то тревожно. Вскоре прибыла полурота внутренних войск Зак-ГПУ и не направилась дальше, как обычно, в горы, где были лагеря, а разместилась на ночлег в доме выселенного князя Ш-зе. А в воскресенье, в день предполагавшегося сбора-демонстрации, командир прибывшей полуроты, молодой и красивый грузин, вывел внутренников на занятия. Промаршировав около получаса, полурота направилась к крутому берегу реки, где устроила стрельбище. Постреляв немного из винтовок и дав несколько очередей из пулемета, полурота вернулась на обед. Четко отбивая ногу, внутренники шли с песнями:

«Мы войско Гепеу
Чутко ухо, зорек глаз
Не уйдут они от нас!...»

Кругом всё было тихо...

Через день, видно «осознав правоту политики Партии и Правительства», население в первый раз полностью предоставило строительству транспорт. Вскоре закончился набор и в Фабзаучи. А из ближайшего города вернулись родственники арестованных, куда они возили передачу. Передачу у них не приняли, свидания не дали...

Ив. Ермолов